

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

кандидат философских наук, доцент социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

О некоторых социоструктурных последствиях институциональных изменений в украинском обществе

Abstract

The article is dedicated to social effects of the market institutionalization in post-Soviet Ukrainian society. The main ones are transformation of social alienation and formation of a socio-economic threshold of exploitation, as opposed to organizational-bureaucratic exploitation inherent in the Soviet society; social cleavage along the line of social alienation and socio-economic exploitation; symbolical struggle for legitimation of market discourses; formation of a class system of the post-Soviet society as a system of the alternative social forces. The author considers the market institutionalization as a compensator reaction of a Soviet type industrial society, which have exhausted its internal resources and is compelled to rush in search of other necessary resources of development. It is considered also in what ways the social cleavage is institutionalizing in class positions and practices.

Важнейшим результатом трансформационного процесса и реформистской политики в украинском обществе последних лет стала институционализация элементов рыночных отношений и формирование на этой основе специфических социальных ресурсов и социоэкономических позиций. С точки зрения социологии важно уяснить, что это означает для общества, то есть каков социальный эффект данных институциональных изменений. Это вопросы принципиального характера, поскольку они затрагивают глубинные основы изменяющегося социального пространства. А адекватные ответы на них невозможны без понимания сложной природы и качественных особенностей происходящих социальных изменений. Данные про-

цессы, с одной стороны, есть результат компенсации структурно-культурных “провалов” социальной системы советского типа и, на этой основе, появления новых качеств как альтернативных советской системе. С другой стороны, изменения не исключают и пролонгацию некоторых трансформированных в отдельных аспектах характеристик общества советского типа. Такие социальные инверсии не просто накладывают серьезный отпечаток, но определяют специфику постсоветского общества, которая обнаруживается как в структурных, так и в культурных измерениях.

Институционализация элементов рынка как раз и можно рассматривать как компенсаторную реакцию индустриального общества советского типа, которое к определенному времени исчерпало свои внутренние ресурсы и вынуждено было броситься в поиски иных ресурсов развития. Открытие каналов рыночного обмена, формирование структур и правил его осуществления подтолкнули широкомасштабную “компенсацию” деформированного характера советской социальной структуры, который естественным образом вытекал из ущемленных экономических и властных отношений. Под ущемленностью мы понимаем тотальность в проявлении лишь одной из сторон сложных по своей природе общественных феноменов, что могло быть возможным лишь при насильственном институциональном ограждении таких форм. Тотальность государственной формы собственности и партийно-бюрократических структур влияния была и фактором, и результатом доминирования в обществе советского типа единственного реального социального класса – “номенклатуры”. Данному социальному образованию были присущи все признаки *класса* как реальной социальной силы, обладающей специфическими ресурсами, хабитусом, способностью рационально действовать и существенно влиять на общество. Причем классу номенклатуры не было реальной альтернативы, поскольку он доминировал в, условно говоря, тотальной социальной массе. Последняя была лишь слабо гетерогенна и структурирована больше по горизонтальным, чем по вертикальным связям. Проявляющиеся в ней социальные слои отличались зависимым положением от государственных организаций (производственных, распределительных, контролирующих и др.) как своеобразных сюзеренов и не обладали достаточными экономическими, социальными, символическими ресурсами влияния на общественные процессы. Будучи включены в общество, представляя собой его социальную ткань, они в то же время находились в состоянии социального отчуждения, связанного с невозможностью влиять на процессы социальных изменений. Именно в таком безальтернативном доминировании класса номенклатуры и заключалась ущербность социальной ситуации советского общества — общества, отчужденного от самого себя, не узнающего себя в продуктах своего функционирования и в силу этого вынужденного создавать специфическую мифологию, оправдывающую “зазеркальность” собственной реальности.

Постсоциалистическая трансформация стала развертываться как стихийный процесс “выравнивания” социального пространства, ранее стянутого к одному социальному полюсу. При этом под “выравниванием” мы понимаем возвращение к сложности, многомерности, вероятности, эмерджентности, имманентно присущих всякому сложному социальному явлению. Такой компенсаторный процесс стал возможен на основе процессов институционализации элементов рыночных и демократических от-

ношений. В этих процессах стала получать активный выход “рыночная энергия” общества, ранее скрытая в тени и сдавленная мощными пластами институциональных барьеров общества советского типа. Выход такой энергии проявляется в активном поиске каналов, форм реализации рыночно-ориентированного деятельностно-культурного потенциала общества. В структурном плане это находит выражение в накоплении специфических социальных позиций и социальных практик, основу которых определяют ресурсы, обеспечивающие конкурентоспособность. Таким образом были монополизированы традиционные для общества советского типа социально-экономические позиции. Вместе с тем, усиление институционального давления “рыночной энергии” вызвало как частичное разрушение, в том числе маргинализацию, деятельностно-культурных позиций внерыночной направленности, так и сопротивление их носителей. Здесь мы имеем дело с несколькими существенными социальными следствиями.

Первое. Эффектом такого развития становится изменение форм социального отчуждения и формирование социально-экономического порога эксплуатации, в отличие от организационно-бюрократического, присущего обществу советского типа. При этом под эксплуатацией, вслед за Дж.Реммером [1], мы понимаем возможность извлечения выгоды, которую получают определенные группы через доступ к избыточным социальным благам в ущерб другим группам, включенным в совместную деятельность.

Меняются формы социального отчуждения. Отчуждение в советском обществе носило, по сути, тотальный характер и вместе с тем проявлялось в символических превращенных формах. Эти формы средствами идеологии камуфлировали реальное содержание отношений, легитимировали последние и тем самым не создавали социальной проблемы преодоления отчуждения. С институционализацией рыночных отношений и специфических рыночных ресурсов был в значительной мере снят идеологический “камуфляж” с процессов социального отчуждения и преодолена его тотальность, то есть были открыты в обществе разнообразные каналы активного социального включения. Вместе с тем, масштабы распространения социального отчуждения остаются широкими. Объективным его основанием является отсутствие доступа значительной доли населения к производительным (в широком смысле) ресурсам и ресурсам влияния, сохраняющийся разрыв между носителями власти и всем остальным обществом. Как субъективное выражение состояния отчуждения можно рассматривать распространенные в постсоветском обществе чувства социального бессилия, социальной изолированности, утраты смысла, самоотстраненности от общества (использована шкала для измерения субъективных аспектов отчуждения М.Симэна [2]). По данным Института социологии НАН Украины в 1998–1999 годах более 70% населения страны испытывали чувство полной либо частичной социальной не востребованности, более трети были недовольны своей социальной отдачей [3, с. 200]. Такая социальная среда стимулирует конфликтное восприятие общественных отношений теми, кто испытывает ту или иную меру отчуждения от общества и актуализирует проблему преодоления социального отчуждения. Данная почва становится источником двух основных реакций: либо протестной социальной мобилизации, либо развития явления социального исключения, формирования структурных и культурных позиций бедности. Последнее, если восполь-

зоваться словами Э.Гидденса, представляет собой “механизм, отдаляющий группы людей от главного социального потока” [4].

Второе. Следствием социального отчуждения в его открытых формах, роста протестной социальной мобилизации и социального исключения становится модернизация существовавшего в советский период в латентной и измененной форме основного социального раскола общества (в терминологии С.Роккана [5]). Сегодня это — раскол между позициями социального включения/исключения, а более конкретно, между деятельностно-культурными позициями, одна из которых ориентирована на рыночных механизмах социального участия, другая — на государственную поддержку и соответствующие механизмы социального включения. Данные позиции формируют различные социальные миры, представленные различными социальными акторами, их хабитусами и практиками. Позиции одного мира предполагают жизненный успех и индивидуальные ресурсы его достижения; позиции другого мира — выживание и внешние от индивида условия его обеспечения. Представители одного мира в лице значительной части чиновников госаппарата, бизнесменов и предпринимателей, небольшой части высококвалифицированных специалистов, а также тех, кто подпадает под определение “мафии” (согласно массовым представлениям населения Украины [3, с. 188]), играют существенную роль в определении государственной политики. Роль других, их влияние незначительны. Один социальный мир ориентирован на полный переход общества к рынку; другой — на возврат общества к доперестроечному состоянию [3, с. 186]. Вес данных миров в украинском обществе по грубым оценкам составляет, соответственно, более 20% и около 40% населения страны; примерно 40% занимают маргинальное положение.

Третье. Модусом взаимодействия двух социальных миров, их диспозиций, ресурсов и практик стала активная символическая борьба за легитимацию специфических дискурсов рынка. Для постсоветского общества новым явлением стали не столько рыночные отношения, превращенные или неразвитые формы которых существовали и в прошлом состоянии общества, сколько дискурс рынка. Неофициальный дискурс блата, привилегий, спекуляции, бартера как формы теневого рыночного обмена и т.п., отражавший реальность неформальных экономических отношений в советском обществе, в постперестроечный период был легализован, развит, очищен от многочисленных извращенных форм. Данный дискурс получил иную номинацию в смысловом поле предпринимательской инициативы и был существенно расширен новыми формами. Вместе с тем до настоящего времени он тянет за собой значительный “след” смыслового поля “теневой” экономики и все еще продолжает параллельно существовать с антирыночным дискурсом. Концентрированным выражением данных дискурсов является позитивная/негативная социальная оценка рыночных механизмов экономики и частного предпринимательства как таковых. По последнему показателю соотношение распространенности дискурсов в украинском обществе в 1999 году выглядело как 46 : 26 [3, с. 186], что представляет собой примерно обратное соотношение по показателю социальной оценки рыночных механизмов. Установление устойчивой доминанции одного из дискурсов, с нашей точки зрения, будет означать завершение социально-эконо-

мического перехода постсоветского общества к какой-то качественной определенности.

Четвертое. Символическое противостояние, борьба за ресурсы и легитимацию дискурсов получают наиболее яркое выражение в политической форме, особенно в периоды избирательных кампаний. В таком социальном противостоянии происходит формирование классовой системы постсоветского общества как системы альтернативных социальных сил, артикулирующих свои интересы, находящихся в состоянии динамического взаимодействия и способных существенно влиять на процесс трансформации общества.

Проявившийся в постсоветской Украине и, возможно, других подобных обществах социальный раскол является почвой формирования двух основных потенциальных классовых позиций, распределенных *над* и *под* порогом возможного социального отчуждения и социально-экономической эксплуатации, отражающих противоположные рыночные и трудовые ситуации (в терминологии Дж. Голдторпа [6]) и продуцирующих различные хабитусы и социальные практики. Оба социальных образования, занимающие данные позиции и выступающие носителями социального раскола, являются многочисленными и формируют организационные механизмы активности. Накопившееся противостояние между ними проявляется мощными выплесками в периоды избирательных кампаний. Такие проявления позволяют определять данные социальные образования, обладающие существенной социальной силой, как (прото-)классовые образования рыночной и вне-рыночной направленности. Эти образования внутренне неоднородны и находятся в процессе классового формирования. Формирование класса — это не реализация последовательной цепочки: ресурсы — структурные позиции — сознание — действие. Это, если следовать Э. Гидденсу и П. Бурдьё, — результат процесса взаимного определения структуры и культуры, структуры и действия [7, 8], который находит выражение во взаимном стихийном согласовании, кооперации социальных действий тех, кто занимает сходные социальные позиции и обладает подобными жизненными шансами и мотивационными структурами сознания. Социальные перспективы формирующихся классовых образований различны. Данные различия хорошо просматриваются в эмпирических материалах, полученных в ходе социологических исследований украинского общества. Идентификация данных классовых образований на примере социального пространства крупного города была осуществлена автором методом кластерного анализа с использованием следующих показателей: ориентация на альтернативные идеалы общественного устройства (социализм советского типа/капитализм), предпочтение того или иного пути экономического развития общества (антирыночный, рыночный, смешанный), отношение к социальным неравенствам (допускают/не допускают), оценки социальных ролей бизнеса и частного предпринимательства (позитивные/негативные). Использовался массив из 978 анкет, заполненных в ходе массового социологического опроса жителей г. Харькова, проведенного в июне 1998 г. Центром экономических и социально-политических исследований социологического факультета Харьковского госуниверситета. Для идентификации региональных элитных групп использовались данные 200 интервью экспертов, проведенных тем же исследовательским коллективом под руководством автора в Харькове осенью

1998 г. Эффективным критерием разведения данных социальных образований является также показатель различий в восприятии социальной справедливости (по шкале социализма/либерализма).

Классовые образования рыночной направленности отличает активное социальное включение в общество. Они объединяют, прежде всего, индивидов, которые обладают некоторыми комбинациями социально значимых ресурсов (организационные ресурсы, собственность, культурный и социальный капиталы, авторитет, ресурсы личности), которые могут быть сегодня использованы в достижении индивидуального жизненного успеха. Преимущественный социальный состав данной макрогруппы — функционирующая элита и субэлитные группы, работодатели, руководители и управляющие крупных предприятий и организаций, государственные (в том числе региональные) чиновники более высоких рангов, предприниматели разной категории, а также значительная часть высокообразованных специалистов (особенно технического профиля) и студенчества. Подавляющая часть этой комплексной группы смогла воспользоваться новыми возможностями, которые появились в обществе в процессе институционализации рыночных отношений, и обеспечить себе достаточно оптимистичные жизненные шансы. Значительная часть представителей данной большой группы сумели конвертировать имевшиеся ранее у них организационные и социальные ресурсы в экономические (прежде всего через механизмы номенклатурной приватизации), культурные (через приобретение дополнительных конкурентоспособных знаний и умений), символические (через позиции в структурах политического влияния и авторитета), а также дополнительные социальные ресурсы. Упрочение позиций подгрупп этой комплексной группы (относительное исключение составляет лишь студенчество) происходит на основе активного развития социальных сетей, ассоциаций и организаций, стилизации социальных практик. Вместе с тем, макрогруппа не представляет собой целостное классовое образование. Стили жизни, модели социальных практик постноменклатурных социальных фрагментов, собственников-работодателей и групп высокообразованных специалистов заметно отличаются. Сформируют ли они самостоятельные классовые образования, либо произойдет координация их социальных действий — данный вопрос может стать предметом специального социологического изучения.

Совершенно иначе выглядит альтернативное социальное образование внерыночной направленности. Оно объединяет индивидов, испытывающих осязаемое субъективное социальное отчуждение. Такое состояние обнаруживается как через признаки социального бессилия, самоотстранения и исключения, так и через социальный протест, выражение гнева и возмущения в отношении существующего порядка. В отличие от предыдущих социальных групп, деятельностный потенциал данного протоклассового образования не столь высок. Мобилизационная сила макрогруппы реализуется не столько через используемые ею преимущественно, традиционные формы социальной активности, сколько через протестный характер действий и видимость предлагаемой социальной альтернативы. Данная большая группа обладает существенно более низким объемом социально значимых ресурсов, что создает объективные условия для ее эксплуатации: отчуждения части реальной стоимости труда и специфического социального учас-

тия ее представителей представителями альтернативного протоклассового образования с последующим присвоением последними отчужденной части произведенной стоимости. Социальный состав группы определяется, прежде всего, рабочими разной категории (особенно квалифицированными), управленцами среднего и низшего звена, занятыми на предприятиях государственной сферы и в структурах государственной службы, а также пенсионерами. Специфика их социального опыта, имеющиеся ресурсы и жизненные шансы получают непосредственное отражение в социальных диспозициях и практиках. Если социальные практики первой макрогруппы в целом ориентированы на достижение жизненного успеха, то для второй характерны позиции и формы действий, направленные на выживание. Это — противоположные социальные миры, аккумулирующие разнонаправленные социальные силы.

Таким образом, важнейшей чертой процесса постсоветской трансформации, по крайней мере, украинского общества, можно считать явственно проявившийся социальный раскол по линии социального отчуждения и социально-экономической эксплуатации, который институционализируется в формах специфических классовых практик и является основанием формирования классовой системы постсоциалистического общества. Получат ли закрепление эти социальные практики в формах межпоколенческой мобильности, приобретут ли они социальную устойчивость и консистентность, какую роль здесь играет социальное время — данные вопросы нуждаются в специальных исследованиях.

Литература

1. Roemer J.E. A General Theory of Exploitation and Class. — Cambridge (Mass.), 1982.
2. Seeman M. On the Meaning of Alienation // American Sociological Review. — 1959. — Vol. 24. — P.783–791.
3. Українське суспільство: моніторинг соціальних змін (1994–1999 р.): Інформ.-аналітичні матеріали. — К., 1999.
4. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. — Oxford, 1998. — P.104–105.
5. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Lipset S.M., Rokkan S. (Eds.) Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. — N.Y., 1967. — P.1–67.
6. Goldthorpe J. H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker in the Class Structure. — Cambridge, 1969. — P.15.
7. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. — Oxford, 1984. — P.281–354.
8. Бурдые II. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995. — С.17–26.